

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ (с рабочего стола социолога)

© 1996 г.

А. СОСЕДСКИЙ

ОПРОСЫ И ПУБЛИКА

Общественное мнение, зачастую не имеющее возможности выразить себя публично, все же оценивает происходящее довольно верно. Декабрист М.С. Лунин в свое время писал: "Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые с целью подслушать мнения, которые мешают ему выразить" [1].

Потенциал общественного мнения склонен к накоплению, и в зависимости от степени благоприятности его проявления, он либо "сжимается как пружина", либо преобразовывается в оценки и суждения. Иногда при отсутствии естественных форм проявления (через адекватные действия властей, например) оно начинает заявлять о себе через действия других механизмов (литература, публицистика, пьесы и т.д.). При этом "зачастую эстетические характеристики художественного произведения сознательно приносились в жертву его идеологическому контексту, чтобы придать ему функцию выразителя общественного мнения" [2].

Естественно, что само общественное мнение внимательно, как пациент за врачом, следит за попытками измерить и выразить его собственные основные признаки. Чаще всего, с учетом русского менталитета, оно доверяет всякого рода оценкам, представляемым средствами массовой информации, чем беззастенчиво пользуются некоторые (далеко не все!) социологи и журналисты. Население, не разбираясь в тонкостях техники опроса и возможностей его многовариантной интерпретации, интуитивно чувствует неадекватность социологических результатов, а поэтому реагирует на них довольно неопределенно, двойственно. Лишь некоторые исследователи фольклора, например, иногда находят чисто социологические термины:

Эй! Айда на сеновал:

Почитаем Конто! (вариант - "Канта")

Вроде все с собою взял ?

Ой,забыл стакан-то! [3, с. 22].

К сожалению, трудности в поиске соответствующей рифмы кажутся для сочинителей фольклора неразрешимыми:

Провела бы я опрос,

Да у милого понос,

Провела бы плебисцит.

Да миленок что-то спит. [3, с. 16].

В художественной литературе насмешки над исследователями, кажется, выглядят более квалифицированно:

Сергей Довлатов так описывает диалог автора предполагаемой монографии "Секс при тоталитаризме" Натана Зарецкого с некоей Марусей:

И дальше, повернувшись к Марусе:

- Сколько вам лет?

- Тридцать четыре.

-Замужем?

- В разводе.

- Имели половые сношения до брака?

- До брака?

- Иными словами - когда подверглись дефлорации?

- Чему?

- Когда потеряли невинность?

- А-а... Мне послышалось - декларация...

Маруся слегка покраснелась. Зарецкий внул ей страх и уважение. Вдруг он сочтет ее мещанкой?

- Не помню, - сказала Маруся.
- Что - не помню?
- До или после. Скорее все-таки - до.
- До или после чего?
- Вы спросили - до или после замужества.
- Так до или после?
- Мне кажется - до.
- До или после венгерских событий?
- Что значит - венгерские события?
- До или после разоблачения культа личности?
- Вроде бы после.
- Точнее?
- После.
- Хорошо. Вы занимаетесь мастурбацией?
- Раз в месяц, как положено.
- Что - как положено?
- Ну, это... Женские дела...
- Я спрашиваю о мастурбации.
- О, Господи! - сказала Маруся [4].

Ситуация с элементами недоверия к опросам складывалась в обществе постепенно, по мере расширения масштабов социологических исследований.

Но уже в "перестроечные" годы Г.С. Батыгин довольно точно воспроизвел ситуацию в тогдашнем профессиональном сообществе: *"Соответственно социальному заказу быстро сформировался социологический "истэблизм", придавший валу анкетомании академизм и напыщенность. Социологи уже не утруждают себя сбором информации, вопросники рассылаются через партийные органы нижестоящим организациям с инструкциями по заполнению и указанием сроков возврата. По приблизительной оценке, сегодня в стране подвергаются опросам около полутора - двух миллионов человек. Сотни тысяч таблиц подшиваются в отчеты и где-то лежат. Когда-то социологи коллекционировали курьезные анкетные вопросы типа "Что вы делаете с женой, когда остаесть наедине?" с подсказками ответов: "смотрим телевизор", "беседуем о прочитанной книге". Или другой вариант: предлагается указать пол ближайших родственников, при этом перечисляются теща, тесть, дедушка, бабушка... Со временем стало не до смеха, потому что вопрос "Успели ли вы вовремя перестроиться?" убивает остатки оптимизма"* [5].

В чем же основные трудности, с которыми довольно неожиданно встретились и социологи, и население? При ответе на этот вопрос заметим, что респондент обычно рассматривается исследователем в качестве лишь *объекта* познания, причем нередко забывается о том, что он и его субъект ("субъект-объект", "субъект-субстанция", по Гегелю). При таком положении остается мало надежды отличить научно-реалистические результаты работы от мифических или утопических. Именно поэтому квалифицированный социолог обычно воздерживается от рекламы своей работы в качестве "научного прогноза", а называет ее просто предположением, пророчанием и другими менее обязывающими терминами.

Российское же общество в последние годы на себе испытало все последствия социологического субъективизма. Особенно это стало заметно в период предвыборных кампаний 1993 и 1995 гг., когда политика непосредственно повлияла на позиции социологов. Неудачу с предсказанием итогов парламентских выборов в декабре 1993 г. некоторые исследователи назвали "российской катастрофой" [6]. Именно тогда первые попытки русских исследователей спрогнозировать результаты многопартийных выборов оказались крайне неудачными, что нанесло еще неукрепившемуся авторитету социологов непоправимый ущерб. Именно с тех пор насмешки над неудачниками стали довольно постоянным явлением.

Реакция официальных руководителей социологических сообществ на неудачу своих коллег была чрезвычайно вялой и лишь несколько независимых исследователей опубликовали довольно язвительные статьи в адрес "неудачников" и представителей средств массовой информации.

Наиболее важным представляется мнение самого российского электората. Здесь наблюдается два различных подхода как к участию в самих выборах, так и к кампании, предшествующей им. Одна часть сохранила доверие к выборам, другая сформировала специфическое негативное отношение и к выборам, и к политическим организациям, да и к самим политическим опросам.

Эти два различных мнения электората выражаются всевозможными способами (неучастие или участие в выборах, голосование за "меньшее из зол" и т.д.). Что касается опросов, то на фоне общего "скептического" консенсуса всех избирателей наблюдается раздражение. Этот феномен заметен в средствах массовой информации, особенно оппозиционных. Если ранее опросы вызывали общее любопытство и снисходительное отношение, а также легкий юмор, то после 1993 г. ситуация заметно изменилась.

В прессе, еще до фиаско политических опросов в конце 1993 г., появлялись такого вида таблицы [7]:

Социологический опрос

1. Не знаете ли вы другой страны, где так вольно дышит человек? Знаю - 52%. Это Израиль - 26%. Это Латвия - 13%. Издаваетесь? - 9%.	6. Куда летит наш паровоз? Вперед- 10%. Назад -20%. Отлетал свое - 70%.	7. Скоро ли наступит коммунизм? Уйди, зараза - 16%. Пошел ты в...- 25%. В Одессе есть Дерибасовская. Дойдя по ней до Привоза, в седьмом ряду слева купи черного петуха и компостируй ему мозги -59%.
2. На сколько процентов, по Вашему мнению, должны возрасти доходы трудящихся ? На 10%- 10%. На 90% - 90%. На 200% - 200%.	8. Девушка, что Вы делаете сегодня вечером? Сижу дома- 15%. Иду в ресторан - 14%. Уйди, противный -21%. Я юноша - 50%.	9. Какого хрена Вы здесь ходите? Не ваше собачье дело - 33%. Ваше дело собачье - 33%.
3. Брюзжите ли Вы на советскую власть? Брюзжу - 97%.	10. Михаил Сергеевич Горбачев, что Вы пожелаете нашей стране? Я не Горбачев - 99,98%. Я желаю, чтобы победила перестройка - 0,01%. Я Лигачев-0,01%.	11. Ты кто? ЧЕ?-100%.

Мягкие юмористические тона заметно сменились несмешливыми замечаниями, а иногда и откровенными издевательствами над "бедными" учеными. Появились едкие карикатуры и безжалостные фельетоны, срамные анекдоты и двусмысленные социологические термины ("интервью" вдвоем, измерение длины и толщины "рейтинга", панельное исследование -на "панели" и т.д.).

Публика стала постепенно разбираться в технических тонкостях опросов и соответственно реагировать на них. Так сама формулировка вопроса в интервью стала обыгрываться юмористами следующим образом:

Как вы относитесь к домам терпимости?" - спросили папу римского, прибывшего в одну из стран. "А разве они у вас есть?" - ответил папа.

После этого в газетах появилось экстренное сообщение: "Первое, что спросил папа, ступив на нашу землю, есть ли у нас дома терпимости?"

Или двусмысленная формулировка двух других вопросов:

1. "Нужен ли нам президент, которому пора в отставку?"
2. "Какой у нас прекрасный президент, не правда ли?"

Рейтинг неудачливого бывшего главного милиционера Москвы был детализирован в следующем вопросе: "Кем бы вы хотели видеть А.Мурашева после отставки от должности начальника Московского ГУВД?"

Ответы: постовым (32%), участковым (21%), тренером Гарри Каспарова (8%). Остальные не смогли ответить, т.к. не вспомнили, кто такой А.Мурашев [8].

На вербальном уровне техника опроса выглядит еще более упрощенно.

Вопрос: "После возможной отставки министра Козырева, куда он смог бы пойти работать?" Ответы: пошел бы он на... - 18%; пошел бы он в... - 17%; пошел бы он к... - 12%; затрудняюсь в поисках места - 53%.

(Записано в ноябре 1995 г.)

Социологические рейтинги также не избежали едких насмешек. При определении наиболее перспективных политических фигур 1991 г. выяснилось следующее распределение ответов опрашиваемых: Мурашев А. - 3,5%, отец Глеб - 1,5%; затрудняюсь ответить - 95%.

Недоверие к результатам опросов общественного мнения со стороны самой общественности легко объяснимо. Оно совершенно определено (хотя иногда по-прежнему интуитивно) улавливает все нарушения общих правил опроса со стороны исследователей. Эти условия (по В.О.Рукавишникову) таковы:

1. Люди обладают достаточной информацией по данному вопросу.
2. Люди готовы ответить без эмоциональных реакций.

3. Детальный анализ ответов на взаимосвязанные вопросы выявляет некоторую связь в ответах [9].

Подмечен и другой недостаток опросчиков, которые подробно описывают колебания общественного мнения, забывая о нисходящей амплитуде, "умирании" популярности того или иного лидера. Такие политические деятели, как Т.Гдлян, Н.Иванов, А.Мурашев, Г.Старовойтова, Г.Якунин и др., просто лишаются симпатий и внимания общественности, что совершенно не отслеживается опросчиками. Некоторые же фигуры искусственно поддерживаются явно и с откровенно политическими целями (Т.Гайдар, например). Населению они давно неприятны, но их рейтинги либо умалчиваются, либо преувеличиваются. И если социологам в этой ситуации избежать насмешек нельзя, то привыкнуть вполне можно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наш современник. 1983. № 6. С. 61.
2. *Гавра Д.П.* Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб 1995 С. 216.
3. Разрешите Вас потешить // Воронеж. 1992. № 1.
4. *Довлатов С.* Собрание прозы в 3-х т. Т. 3. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. С. 45.
5. Новое время. 1988. № 54. С. 28-29.
6. См.: Социол. исслед. 1994. № 5; 1995. №№ 9, 10.
7. Российская карикатура // Карусель. 1993. С. 7.
8. Правда. 1993. 29 апр. С. 8.
9. Социол. исслед. 1992. № 11. С. 58.